

Владимир Безходарнов

Дедушкины сказки

*Внукам, внучатым племянникам
и всем будущим потомкам посвящается.*

Вот говорят, что у животных души нет, что она только у людей бывает. И даже главным в человеке душа считается. Раньше, например, при крепостном праве, крестьян подневольных прямо так и считали, по душам: у одного барина столько-то душ, а у другого ещё больше или меньше. И в разных других делах по душам вели счёт людям. А что ж оно такое, душа эта? И нет ли хоть немного её, например, у домашних животных: у собак, кошек, у лошадей и коров? А у птиц домашних? И небесных? Ведь многие из них о птенцах своих больше заботятся, чем иные люди о своём потомстве. Может и в животном мире не совсем бездушные твари Божии водятся?

Вот послушай-ка, что я сам слышал от моих престарелых родственников, можно сказать – предков. С детства я много их слушал о старинном житье-бытье. Вот, сёстры дёдовы немало поведали мне о той жизни их детства и юности в большой купеческой семье на тогдашней окраине Томска. Уж сто лет прошло с тех пор. Были там у них и корова, и куры... Две лошади были: Огурец и Чертёнок, так звали их по-домашнему. Иногда, особенно при гуляньях на масленицу, их запрягали в большую шестиместную кошеву́, Чертёнка – коренником, то есть главной тягловой силой, а Огурца – пристяжкой, сбоку, как бы в помощники.

В большом их дворе, на углу улиц Миллионной и Дальне-Ключевской, немало овса и прочих зёрнышек просыпалось для разных птиц. Больше всего было голубей. Зимовали они под крышей большого двухэтажного дома на чердаке, у четырёх печных труб. Прадед мой Пётр Васильевич, купец второй гильдии, любил этих мирных птиц и не велел никому их трогать.

Обо всей такой живности воспоминаний было не так много, а вот о двух собаках у меня отложилась такая картина.

Полкан и Махрутка

Полкан в купеческом дворе появился раньше. Щенком ещё взят был от хороших хозяев. Под стать им же и сам оказался, хоть не весьма породистых кровей, но и не из последних дворняжек. Довольно рослый вымахал через год, окрас тёмный, с небольшими кое-где белыми пятнами и с белым же «носом» на задней лапе. Про породу его упоминаний, кажется, не было. А вот характер, говорили, у него был степенный, основательный. Попусту, зря не лаял, не брехливый был, но сторожил исправно. Бдительность не терял ни днём, ни ночью. Рычаньем и лаем давал знать о приближении незнакомцев ко всем заборам обширного подворья. Оно и впрямь было не малым, с полквартала занимало на тогдашней городской окраине, от которой теперь начинается район Черемóшников. Там и тогда бывало не спокойно, особенно ночью. А днём за окраину эту местные охотники-утятники хаживали, ведь по всей той округе, между рекой и Каштачной горой, было много озерков. Да и дорога к Нижнему перевозу (паромной переправе через Томь) проходила мимо дома, то есть народу вблизи него бывало не мало. Так что и спать-то Полкану приходилось чутко, урывками. И был он верным помощником у сторожихи,

обитавшей на первом этаже, который сдавался в аренду под начальную школу для мальчиков.

Уж года три-четыре Полкану было, как появился на дворе другой щенок неизвестной породы. Видно из жалости сторожихиному сынишке Саньке всучил кто-то красивенькую сучонку. Махруткой прозвали сразу, может потому, что её пестроватый окрас махорку напоминал. Вскоре, однако, по характерному задиранью задней лапки, выяснилось, что особь эта оказалась не женского рода, кобельком то есть. Видно по Санькиным молитвам это прояснение так вовремя случилось. А то сторожиха уж собралась было притопить малявку в огородной бочке, будто бы за подлость происхождения, а скорее из-за бабского засилья в купеческом подворье, уже не сулившего спокойной жизни. Из мужского-то полу, после смерти моего прапрадеда Василия Андреевича, оставались среди дворового населения, не считая Полкана, коней и Саньки, ещё сам хозяин Пётр Васильевич да его сын-подросток – мой будущий дед Николай. А кругом-то них – две сестры у деда старших и три младших, их многодетная мать Надежда Петровна (моя, стало быть, прабабушка), да две бабушки, то есть моих прапрабабушки, а уж вам-то они ещё с двумя «пра-пра» приходятся, вот какие далёкие предки ваши, ведь одна-то из них, украинка Мария Егоровна, почти двести лет назад родилась. А ещё ведь жили с ними кухарка и прислуга Сашенька, она была сирота и жила в доме как своя, родственная, помогая по хозяйству и в магазинной торговле; да ещё к ним добавить надо обитательниц нижнего этажа: сторожиху и учительницу начальных классов. В общем, почти бабье царство, и два-то пёсика его хоть немного разбавили.

Дед мой (деда Коля) и Санька были ровесники и всегдашние напарники по разным делам и проказам. Вот в своё-то время они уж наигрались с этими собачками. Саня всё больше с Махруткой забавлялся, имя-то ему женское уж не стали менять, он такого заслуживал, по человеческим понятиям шалопай был изрядный, весь в Саньку, своего благодетеля. Иногда же подзывали его и неженской пёсией кличкой: «Махрут-Махрут-Махрут...» Он на всё откликался звонким тьяканьем и рад был поиграть с любимым, кто позовет. И свои, и соседские дети с ним игрались. Особенно весело им было чуть дёрнуть Махрутку за короткий хвостик, за которым он сразу начинал гоняться, крутясь волчком и рыча с подвизгом от досады, что поймать его не может.

Но дети растут, а собаки ещё быстрее. Через год-полтора уже и Махрутка подрос, но до полкановой стати уж никак ему было не дотянуться, как до своего хвоста. Мелковатой породы оказался, таких в народе шавками звали и в серьёзных хозяйствах тогда не держали. Так что, свезло ему в собачьей жизни, закрепился он на хорошем месте – с неплохой кормёжкой и без всяких забот и поручений, только в забавах детских участвовал. А по охране – так Полкан и без него справлялся. Да и какой из него охранник, если он сам так и норовил по чужим дворам пошнырять и по ближним улицам прошвырнуться да приключений поискать на свою кудлатую задницу. Полкан же был домосед, да и при службе себя сознавал, понимая свою ответственность и этим гордись немного. Цепей и поводков обе собаки не знали, не принято было в доме чью-то свободу сковывать без надобности.

Вот такие разные были две собаки, и по виду своему, и по характеру. Но странное дело, при такой большой их разности оказались они большими друзьями. Может, общая дружелюбная атмосфера в купеческой семье и во всём их подворье передавалась и животным тоже? Как знать? Полкан на правах старшего сразу же стал опекать Махрутку, как только тот щенком на дворе появился. И потом, бывало, Полкан лишь слышит знакомый визг вдалеке, так и бежит на выручку своему дружку непутёвому, разгонит свору обидчиков, дворняжек таких же беспутных, пожурит его по-собачьи, как бы

наставляя, чтоб не задирался и не шлялся где попало. Тихонько оба плетутся потом восвояси, и Махрутка смиренно и визгливо оправдывается и заверяет своего покровителя в послушании, да надолго ли. Иногда в таких сварах попадались и серьёзные противники, тогда уж оба друга потом раны зализывали, а хозяева грозились согнать со двора Махрутку, паршивца такого, подстрекателя, за недостойное поведение. Но жалели его, да и не хотели обижать Полкана, нарушать их собачью дружбу.

Из взрослого населения лишь одна Сашенька привечала Махрутку, иногда баловала его какой-нибудь собачьей вкусностью, приласкивая, называла Махруточкой или Махрутиком. Случались у него и удачные вылазки по чужим подворотням, без приключений и даже с поживой. Иногда и Полкану приволокёт, бывало, косточку сахарную недогложенную, бухнет в его большую миску и, гордясь собою, наблюдает со стороны, как друг его этим гостинцем потчует. Мол, и от меня тоже прок есть. И Полкану такая забота приятна, хоть и не покажет особо своё довольство.

Сам хозяин Махрутку не жаловал и всерьёз не воспринимал. Нередко шугал его, чтоб не крутился под ногами, и терпел его в большом своём хозяйстве лишь ради забавы детям и развития у них любви ко всякой природной живности. Вот как-то раз в летнюю жару, после полудня, решил Пётр Василич съездить к своим нефтяным складам на берегу Томи за городом, где железная дорога подходила к тогдашним грузовым причалам. Путь не дальний, версты полторы-две от силы. Не стал кучера призывать из соседнего двора, сам запряг смирёного Огурца в тележку и отправился налегке, даже ни шляпы, ни панамы от солнцепёка на голову не взял. А надо сказать, что он считал себя человеком южным, ведь родился-то он в далёком солнечном Крыму, у «самого синего» Чёрного моря, в городе Керчь. Ну и что ж ему сибирского солнышка-то бояться? Взял с собой лишь воды с полбутыли и поехал неспешно. Погонять Огурца в такую жару не хотелось ему, да и подзагореть решил на медленном ходу, скинув с себя и рубашку.

Часа два прошло. Жена ждёт-пождёт, полдничать скоро надо, а его всё нет. Уж второй раз на балкон выходит, вдаль глядит за околицу, не видать ли повозки или пыльного облачка от неё. Вдруг слышит снизу знакомый тьяк, но звонче обычного. Это Махрутка несётся с тревожной вестью. Поняла она, что недоброе что-то случилось, сбежала быстро вниз, захватив зачем-то попутно кочергу с кухни. Выбегая на улицу, кликнула Полкана. А Махрутка уж назад несётся путеводителем, призывая на помощь хозяину. На улице как назло ни души, все соседи от жары по углам в тенёчках попрятались или на купанье к водам подались. Лишь одна прабабка моя Надежда Петровна несётся с кочергой по пыльной дороге, за собаками поспекает. С полверсты пробежали, видит она, вдалечке у дороги Огурец травку щиплет, а повозка за ним вроде пустая. Подбежала к телеге, в ней Пётр Василич как уснувший лежит. Догадалась она, что солнечный удар хватил его по голове неприкрытой. Выплеснула воду из бутылки ему на голову и на грудь, обмахала рубашкой его. Очухался он кое-как, говорит тихо:

- Ох, как стукнуло меня будто... Как же догадалась ты?

- Да вот, Махрут прибежал с тревогой, привёл нас с Полканом.

- Ну, Махрутка, теперь я должник твой буду.

С тех пор все Махрутку зауважали. Да и сам он серьёзней стал, иногда помогал Полкану по службе, бегал в дозор по дальним углам владений, облаивал из-за забора подозрительных прохожих. Котам чужим чрез владенья свои не давал проходу. Вроде совсем жизнь собачья наладилась и текла своим чередом. Не без печалей, конечно. В году 910-м умерла старшая бабушка Мария Егоровна. А потом умерла самая младшая сестрёнка дедова – Манечка. Она была шестым ребёнком в семье, с первых же прогулок её во дворе с куклами Махрутка старался оберечь малышку от всяких опасностей, как его

самого опекал когда-то Полкан. Очень внезапно она умерла. Тогда вообще детская смертность была высокая. Пётр Васильевич сильно переживал эту потерю, единственный раз тогда дети видели его слёзы. И собаки тогда вели себя тихо, без лишнего шума. Случилась и ещё одна утрата, особо важная для Махрутки. Но это была потеря скорей радостная – Сашенька вышла замуж. За машиниста со станции Тайга, прадед был знаком с ним по делам доставки своих грузов. А профессия эта тогда считалась повыше, чем теперь лётчик. На свадьбу в Тайгу почти всей семьёй ездили, с хорошим приданым для невесты, и Пётр Василич с Надеждой Петровной были там как посажёные родители, так уж было принято, если невеста была сиротой. Новая прислуга не так была приветлива и ласкова к Махрутке, и он тосковал по своей любимице Сашеньке. Видно, и собаки не меньше людей переживают разлуку со своими ближними.

Но время текло, и всё в одну сторону. Дети росли, взрослеть начали. В доме и на дворе появлялось много молодёжи новой – гимназических друзей и подруг. Полкан уже перестал облаивать новичков, лишь рычал на них подозрительно, пока те не называли его по имени, это было как пароль и означало, что гость мирный пожаловал. Все любили бывать в этом гостеприимном доме. Зимой частенько на весь выходной выезжали большой гурьбой за реку на дачу, брали с собой и Махрутку. А там ждал их уже горячий чай с пирогами или оладьями. Ведь на зиму там оставался сторож, он с женой жил в рубленом домике, а в воскресенье протапливал дачу. Подкрепившись основательно, кто катался на лыжах, кого катали в снегу, кто, сбросив шубу, занимался спортом. Лошадям тоже давалось угощение и отдых. Вечером, надышавшись вдоволь в сосновом бору и навалывшись в снегу, подзакусив на дорожку, довольные возвращались домой.

Так бы и жили, казалось, до самого «светлого будущего». Да не долог век собачий. А тут ещё война приключилась с германцами (1-я мировая), смуты пошли непонятные, веселья кругом поубавилось, тревога в душах росла, будто надвигаясь откуда-то из-за Томи, с западным ветром, портя, казалось, и саму атмосферу по всей округе и Миллионной, и Дальне-Ключевской... Приуныли все, а собаки особенно, чужая неладный исход века своего, и не только. Махрутка ещё шустрит иногда, а Полкан совсем стал сдавать, не на все шумы за оградой уже отзывался. И в дозор по дальним углам теперь только один Махрутка бегал, и чем немощней становился его престарелый друг, тем и он становился грустней и безразличней к людским делам и забавам. Все в доме тихо дивились такой перемене в собачьей жизни, жалели Полкана и новых собак не заводили. Последнюю зиму перемогали псы вместе, натурально бок о бок. Уже с первых морозов их обоих стали запускать в сенцы, где было гораздо теплей, чем в собачьих будках, и где для них была брошена рогожка в самом «тёплом» углу. У Махрутки шерсть была длинная, и в самые лютые морозы он собой прикрывал спину свернувшегося калачом друга, хоть немного даря ему своего тепла. Весной оба слегка воспряли, оживились немного, особенно Махрутка. Начало лета выдалось сухим, ночи стали совсем короткими, а дни душными от жары и пыли (ведь асфальта на улицах тогда ещё не было). И вот, незадолго до Ивана Купалы, ранним утром, когда окна в доме были приоткрыты для ночной прохлады, всех разбудил жалобный вой Махрутки. Но никто его не ругнул, только окна прикрыли плотнее, чтоб не слышать этого стона собачьей души, потерявшей не схожую с ней, но родственную душу – Полкан помер, «преставился», как объявила утром сторожиха.

Вызывать собачников для избавленья от издохшего пса не спешили, чтобы Махрутка успокоился немного и пообвыкся с потерей друга. Плакал ли он по-человечьему, и бывают ли вообще слёзы в глазах собачьих, я не знаю, но обвыкаться с утратой он не хотел, от еды и питья отказывался, а всё лежал возле холодного уж Полкана, тихо поскуливал жалобно. К вечеру решились сами схоронить усопшего. Пётр Василич на тот момент был в отъезде, закупал где-то в Европе фарфоровую посуду для своего магазина.

Но Коля с Саней были уже почти совсем не дети. Они в дальнем углу, за большим складским амбаром и огородиком, выбрали укромное место, расчистили его от старых ящиков и вырыли там неглубокую могилку. Дедовы сёстры младшие помыли огородную тачку, назначив ей быть катафалком, украсили её цветочками разными как могли.

Общее руководство похоронами взял на себя Витя Липовицкий, Колин гимназический товарищ и завсегдаятай этого двора. Он очень любил лошадей и собак, и Полкан с Махруткой были ему старые знакомцы. К тому же он кое-что понимал в похоронных делах, ведь отец его служил в духовной консистории, где вели регистрацию рождений, браков и смертей православных граждан. Витя сам из досóчек от ящиков соорудил небольшой крест и написал на нём крупно «ПАЛКАН», а внизу помельче – примерную дату рождения и точную дату смерти. Пришёл подсобить и Лёля Зверев, Колин одноклассник и ближайший сосед. Тело покойного обернули рогожкой, аккуратно погрузили на «катафалк» и тихонько повезли под Махруткины завыванья. У могилки Саня прижал к себе Махрутку покрепче, чтобы он не помешал последнему ритуалу, а Коля с Лёлей аккуратно же опустили усопшего и быстро засыпали землёй. Махрутка сильно не вырывался, но когда его отпустили, сразу прильнул к могильному бугорку, то прижимая морду к нему и жалобно скуля, то вскидывая её к небу с отрывистым то ли визгом, то ли стоном. Подтянулись и младшие сёстры, сначала робевшие в непривычном этом деле. Кое-кто даже слезу пустил. Постояли немного молча, как бы раздумывая, что ж дальше делать. Лёля тихо спросил, обращаясь к Вите с Колей: «А поминать будем?... Там... девять дней?...» На что Витя резонно пояснил: «Грех какой. Не человек же ведь». И вздохнув, добавил: «Поминать не будем, будем вспоминать, как друга. Хороший был пёс, жаль, что не охотник, как мой Верный. А сторож был важный, знал дело». Все дружно подтвердили и кое-что вспомнили интересного и хорошего про земной путь Полкана и службу. Смеркаться уж стало, и все разошлись, оставив Махрутку, тихо скулящего от собачьей душевной боли.

На следующее утро Махрутку было не слышать, миска его у крыльца оставалась нетронутой. Он всё так же был возле друга, только лежал уже на самом бугорке, как бы его обнимая. Сменили еду ему в миске на свежую и отнесли к могилке. Но он к еде не притронулся. К вечеру принесли ему воды в тазике, из которого они с Полканом всегда пили. Но он всё лежал в отрешённом угрюмом молчании, иногда лишь немного меняя позу, но не отрываясь от последнего приюта своего друга. Следующим утром пробовали подносить ему аппетитные кусочки и косточку прямо к носу, но он упрямо воротил его и даже твякнул на руку дающую. И всеобщая жалость к умершему Полкану теперь сменилась на жалость к Махрутке. Ведь он уже третьи сутки был в добровольном «сухом посту». Видно, совсем стала жизнь ему не мила. И на следующий день было то же самое, и через день. Ещё раза два пробовали подкормить его, но он уж почти не замечал эти заботы. И ни летний дождик, ни жаркое солнце не могли сдвинуть его с последнего пристанища друга. Хорошо хоть в самую дневную жару тень от высокой крыши амбара проходила через могилку и облегчала самоубийственную участь Махрутки. И вот ночью случилась гроза, с громом и молнией. Мелькнула надежда, что хоть она, может быть, отрезвит пса от горя. Утром поспешили к нему посмотреть. И нашли его мёртвым. Может, сердце собачье не выдержало смертельной тоски, а может, и его век собачий был уже на исходе, и бодрился он последнее время лишь ради поддержки друга. Кто знает? Душа – дело тёмное, и не только у людей. Таким же обрядом (лишь без «катафалка») и его похоронили, совсем рядом, прямо вплотную с Полканом. И общий крест, побольше размером и с точными датами смерти, над их общей могилкой поставили. Так место это потом и звали согласно надписям на кресте – «Полкан и Махрутка».

Где-то они теперь, или их души? Вдвоём ли витают? А может, в нечто одно слившись, ещё пытаются как-то служить нам, людям, да мы этого не видим и не хотим понимать. Дело тёмное.

Так ли всё было на самом деле, я не совсем уверен. Но что умер Махрут на могиле друга, это точно утверждали наши предки. И нет причин им не верить.

Июль 2016 г.